

УДК 93/94

В статье подробно описываются законодательные меры по искоренению нищенства и бродяжничества при Петре I. Это отразилось на серии указов, регламентирующих данный вопрос. Петру I принадлежит почин в деле систематической и упорной борьбы с нищенством. Между тем, его указы о восприимчивости нищенства, шедшие в разрез с понятиями об обязанности каждого православного христианина приходить на помощь бедным, были встречены даже наиболее просвещенными и сочувствующими преобразованиям монарха современниками без одобрения.

Ключевые слова и фразы: тунеядство; борьба с нищенством; нормативное регулирование нищенства; законодательные меры борьбы с нищенством; наказание за нищенство.

Ксения Викторовна Черных, к.ю.н.

Кафедра гражданского права и гражданского процесса

Государственный университет – Высшая школа экономики, Нижегородский филиал

k111@bk.ru

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ БОРЬБЫ С НИЩЕНСТВОМ ПРИ ПЕТРЕ I[©]

В древнерусском государстве подача милостыни считалась делом богоугодным, ведь если бы не было нищих, то набожный человек не мог бы утешить свою совесть: подавая милостыню нищему, человек очищал свою совесть перед Богом.

При господстве такого мнения никто, разумеется, не смотрел на нищих с точки зрения общественного благоустройства и порядка, а потому мало кто останавливался на вопросе о чрезмерном увеличении их числа. Напротив, большинство было убеждено не только в неизбежности нищеты, но, пожалуй, даже и в необходимости ее роста. Ибо, если не будет нищих, то кто же будет ходатаем у Бога за богатых?

Но постепенно правительство стало приходить к осознанию того, что нищенство представляет определенную угрозу власти. Хотя исторически сложившиеся житейские представления и глубоко укоренившиеся в общественном сознании обычаи о милостыне, как о единственном виде благотворительной помощи продолжали оставаться живучими в течение многих веков.

Личное правление Петра I в этом направлении сделало решительный шаг, задавшись целью уничтожить нищенство и всякое вообще попрошайничество. Надо отметить, что первое подобное запрещение в Западной Европе имело место в 1350 г. (затем подтверждено в 1361 г.), когда за всякое подаяние нищему подающий заключался в тюрьму. Во Франции нищенство было запрещено законодательными актами 1536, 1547, 1561 и 1566 годов и последующими правовыми предписаниями [1].

Система государственно – правового призрания в нашем Отечестве на официальном уровне практически связана с Петром I, но началась она с борьбы с нищенством, в особенности с лженищенством. Преобразователь России впервые усомнился в святости нищих. Как сын своего времени, Петр I стал употреблять крутые меры против нищих. Жестокостью правительство хотело искоренить укоренившееся зло, но как показала жизнь, указы были бессильны в борьбе с развитым традиционным общественным недугом. Тем не менее, нашлись заступники нищих, которые обвиняли царя за неверие в нищих. Один такой обличитель, кричал: «кто милостыню любве ради ко Христу и ближнему подает неоскудно, тот, говорили, не умеет, куда имение свое употреблять, не к рукам досталось» [6].

Видимо, и общество постепенно стало по – иному смотреть на нищенство, потому – то, и появились такие обличители людей скаредных, не отличающихся прошлым нищелюбием.

Увеличение количества нищенствующей братии, которые заполнили города, в особенности Москву, а затем и Петербург, вынудил Петра I издать серию указов (декабрь 1700 г., 8 июня 1701 г. и 9 февраля 1710 г.), запрещающих под опасением наказания нищим переходить для прошения милостыни из одного города в другой, из одного уезда в другой¹.

В 1705 г. монарх вновь приказал преследовать нищенство и попрошайничество в Москве. Нищих арестовывали, а имеющиеся у них деньги отбирались в пользу их помещиков, и сверх того самих попрошайек подвергать телесному наказанию в Монастырском приказе. Под угрозой денежного штрафа (половина шла Монастырскому приказу, а другая – помещику), всем подданным предписывалось не подавать милостыню, а то хочет ее подавать, то «пусть дает в богадельню». Кто же нарушал указ и по – прежнему подавал милостыню, то таковых приказывалось «хватать» и приводить в Монастырский приказ и «брать с них пеню». Для наблюдения за исполнением указа устанавливался полицейский надзор из подьячих Монастырского приказа, солдат и приставов [10].

К проблеме нищенства царь вернулся 21 марта 1708 г., когда выразил свои резолюции на докладные пункты князя А. Д. Меншикова. В них, в частности, говорилось: «буде какие нищие в чьих вотчинах явятся, тем быть в том селе и в деревне, кто где живет, безотлучно, и кормить их помещикам их, а буде дворцовые, то дворцовыми крестьянами»².

© Черных К. В., 2011

¹ Полный свод законов I (ПСЗ I). Т. 4. № 1821, 1856, 2249.

² Там же. № 2194.

Именным указом, объявленный из Сенат «О воспреещении нищенства в Москве; о распределении нищих по монастырям и богадельням, и о рассылке неприписанных ни к каким богоугодным заведениям» от 21 января 1712 г. вновь запрещал нищим «просить милостыню и сидеть по мостам», определяя «быть им в богадельнях по-прежнему и смотреть» из Монастырского приказа за ними накрепко, ловить, наказывать и водворять на прежние места в богадельни и монастыри. Не записанных в богадельни нищих приказывалось за первую поимку за прошение милостыни приводить в Монастырский приказ, «учиня жестокое наказание» и после этого отсылать в места их жительства¹.

Указ о запрещении нищенства имел временное значение. Нищие на короткое время затаивались, а некоторые, видимо были пойманы и наказаны, но сам порок не искоренялся, и опять приходилось повторять старые и издавать новые, еще более строгие законы.

К тому же, как свидетельствовала практика, что эти «бездельники», числясь в богадельнях, однако, продолжают жить в своих домах и «весь свой век» проводят «в прошаках», и не только никаких государству податей не платили и службу не служили, но «к тому ж и детей своих при себе держат в таком же тунеядстве, а в службы и науки не производят, от чего государству вред деется», констатировалось синодальными властями [4].

Именной указ, объявленный графом Мусиным-Пушкиным «О задержании в Москве празднующихся монахов и нищих, и о приводе таковых в Монастырский приказ» от 25 февраля 1718 г. вновь подтверждал, что по Москве ходят празднующиеся монахи и нищие. Их опять приказывалось задерживать и приводить в Монастырский приказ, и милостыни им не подавать. Если же кто «похочет дать милостыню, то им отсылать ее в богадельню». Более того, закон вводил в практику неслыханную до этого вещь: под строгим штрафных санкций запрет в церквах и на улицах подавать милостыню. В частности, говорилось, что если кто после указа все же будет подавать милостыню, то таковых также приводили в приказ и штрафовали «в первый раз по пяти, а в другой по десяти рублей». 25 мая того же года пойманных нищих, годных к работе должны были определять к ней в Петербург. А именной указ, объявленный из Сената от 20 июня 1718 г. обрушивался на нищих-тунеядцев, приказывая незаписанных в богадельни, и в особенности способных своим трудом добывать хлеб насущный, ловить. И «ежели который впервые будет пойман, таких бить нещадно ботажем и отдавать или отсылать по прежнему Указу в прежние их места, где они жили», предписывая хозяевам накрепко за ними смотреть и кормить их, заставляя работать. «дабы они не даром хлеб ели». Если же нищих ловили во второй или третий раз, то их бить на площади кнутом, посылать в каторжную работу, а баб в шингаус, «а ребят, бив батоги, посылать на суконный двор и к прочим мануфактурам». «За неусмотрение» нищих, с помещиков, хозяев и властей, а также старост и приказчиков требовалось брать штраф за каждого человека по пять рублей².

На местах надзор за недопущением просить милостыню осуществлялся земскими комиссарами, выбираемыми из дворянской среды. Высший же надзор в провинциях возлагался на обер-комендантов и комендантов (по инструкции 1719 г. на воевод), в Петербурге на генерал-полицмейстера, а в Москве с 1722 г. на обер-полицмейстера³.

Не всегда они справлялись со своими обязанностями, и некоторые из них при Петре I за неисполнение указа даже подвергались аресту, как например, это произошло в 1718 г. с комиссаром Лукой Владыкиным и дьяком Иваном Степановым в Москве, которых «на генеральном дворе держали под жестоким арестом» [5].

Через год именной указом от 16 ноября 1720 г., объявленный генерал – полицмейстером Девиером подтверждалось «О непростении по улицам и при церквах милостыни». Подающие милостыню наказывались пятирублевым штрафом⁴.

Этими жестокими мерами против нищих были очень недовольны ревнители старой веры. Посошков отзывался об указе как невыполнимом, т.к. он «учинен не весьма здраво, потому велено штрафовать тех, кои милостыню подают. И тем никогда не унять, да и невозможно унять, и то положение и Богу не без противности, Бог положил предел, что давать милостыню, а судьи наши за то штрафуют», писал современник Иван Посошков [9]. Следовательно, он, с одной стороны, показал себя противником законодательного преследования нищих, а, с другой, не верил в искоренение древней российской «традиции».

Предпринимаемые меры были не в силах искоренить нищенство и бродяжничество, потому последовали и другие законодательные меры. В Регламенте или Уставе Главного Магистрата от 16 января 1721 г. указывалось на необходимость учреждения для здоровых лиц мужского пола предосудительного образа жизни и нежелающих трудиться *цухтгаузов* (смирительные дома), содержа их там «сколько времени, сколько следует за их вины» и употребляя их в работы⁵.

Обстоятельный взгляд на нищих и их «промысел», а также на подателей милостыни Петр I высказал в Регламенте или Уставе Духовной Коллегии от 25 января 1721 г. Он указывал, что Духовная коллегия о подавании милостыни должна «сочинить наставление, ибо в сем не мало погрешаем», поясняя, что «многие бездельники, при совершенном здравии, за леность свою пускаются на прошение милостыни и по миру ходят безстыдно», а иные за взятки вселяются в богадельни.

¹ Полный свод законов I (ПСЗ I). Т. 5. № 2470.

² Там же. № 3172, 3212, 3213.

³ Там же. № 3294; Т. 6. № 4130.

⁴ Там же. № 3676.

⁵ Там же. Т. 6. № 3708.

Царь предполагал, что таковых ленивых «прошаков» насчитывается тысячами, которые «нахальством и лукавым смирением чуждые труды поядают», и от них государству никакого прока. Все это – «есть богопротивное и всему отечеству вредное» дело, а «ленивии прошаки Богу противни суть». Рассуждая об этом, Петр I говорил, что «хватать бы таковых всюды и к делам общим приставлять». К тому же, от этих «прошаков» истинным убогим делается «великая обида». Осуждал он и тех, кто помогает нищим своими подаениями, или «дурной милостью» по его выражению.

От таких ленивых нищих увеличиваются разбои, поджоги и даже «на шпионство от бунтовщиков и изменников подряжаются», клеветают на власть и «простой народ к презорству властей преклоняют»¹.

Действительно, зачастую нищенство среди населения распространялось их ленью к труду. Это подметил современник И. Посошков, который отмечал, что среди посадских людей «есть лежебоки, что живут своими домами, а не хотя ни торговать, ни работать, ходя по миру, милостыню собирают. А иные, сковавшись, хотя будто тюремные сидельцы и, набрав милостыни, да дома лежа, едят. А иные сами и промышляют, а детей своих посылают милостыни просить». Было и много помещиков, которые зимой посылают своих крестьян «посылают в мир и велют по улицам бродить и милостыни просить». По мнению И. Посошкова, в России таких нищих наберется 20 или 30 тысяч [Там же].

6 апреля 1722 г. вновь предписывали разборы нищих: крепостных нищих отдавать помещикам, посадских – в посады, молодых в казенные работы, женщин на фабрики, ребят в гарнизонные школы, или, если кто пожелает, и в частные руки на воспитание. Это предписание вновь было повторено 14 декабря того же года [6].

В Инструкции Московскому обер-полицмейстеру от 9 июля 1722 г. уже предписывалось «нищих отдавать или отсылать по прежнему Указу, в прежния их места, где они жили, хозяевам, с роспиками; приказывать тем, кому они отданы будут, дабы за ними накрепко смотрели, чтобы они бродя по улицам и по рядам, милостыни не просили, а кормили – бы их те, чьи они есть, помещики и вотчинники и прочие хозяева всяких чинов как духовных, так и мирских и дворцовых крестьян, старосты, сотские, собирая на тех бедных на хлеб и на одежду с обывателей тех сел и деревень; и за то прокормление, кроме престарелых и увечных, заставляли – б их что потребно себе работать, дабы они не даром хлеб ели»².

Вполне естественно, что только таких мер было недостаточно для обеспечения неимущих, и на содержание помещиков и крестьянских общин нельзя было отнести признание оставшихся военных чинов и лиц, не помнящих первоначального своего местожительства, число которых в то время было весьма значительно.

Следует обратить внимание, что указ 6 апреля и инструкция 9 июля 1722 г. характеризуются уже некоторым смягчением карательных мер по отношению здоровых нищих. Хотя в них и подтверждались прежние повеления об отсылке их в каторжные работы, тем не менее, советовалось молодых нищих употреблять на «урочные годы» в казенные работы, а старых определять в госпитали. Причем штрафу подвергались лишь пристанодержатели нищих.

Таким образом, Петру I принадлежит почин в деле систематической и упорной борьбы с нищенством, проявившихся уже в конце XVII века и особенно развившихся в начале следующего столетия.

Между тем его указы о воспреещении нищенства, шедшие в разрез с понятиями об обязанности каждого православного христианина приходить на помощь бедным, были встречены даже наиболее просвещенными и сочувствующими преобразованиям монарха современниками несочувственно. Потому – то нищенство, хотя и было несколько замедленно, но продолжало существовать, и петровские законодательные меры не могли полностью искоренить данное зло.

Список литературы

1. Авраменко П. Из истории русской церковной благотворительности в синодальный период (XVIII) // Трудовая помощь. 1916. № 3. С. 173.
2. Журнал Министерства внутренних дел. 1851. № 10. С. 101.
3. Максимов Е. К истории государственного призрения в России // Трудовая помощь. 1901. № 1. С. 23.
4. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. II. 1722. № 932.
5. Полное собрание распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. СПб., 1869. Т. I. 1721. № 282.
6. Там же. Т. 2. № 309, 932.
7. Полный свод законов I. Т. 3. № 1424.
8. Там же. Т. 3. № 1489.
9. Посошков И. Книга о скудности и богатстве. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. С. 185-187.
10. Соловьев С. М. История России. М., 1962. Кн. VIII. С. 332.
11. Щапов А. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII. Казань, 1859. С. 123.

¹ Полный свод законов I (ПСЗ I). Т. 6. № 3718.

² Там же. № 4047.

LEGISLATIVE REGULATION OF STRUGGLE AGAINST BEGGARY UNDER PETER THE FIRST

Kseniya Viktorovna Chernyh, Ph. D. in Law

Department of Civil Law and Process

State University – Higher School of Economics (Branch) in Nijniy Novgorod

k111@bk.ru

In the article the legislative measures of beggary and vagrancy eradication under Peter the First are described in detail. It affected the series of ukases regulating this question. Peter the First started the systematic and persistent struggle against beggary. But his ukases prohibiting beggary confronted with the idea of the duty of each Orthodox Christian to help the poor and they were not approved even by the most educated and understanding contemporaries.

Key words and phrases: sponging; struggle against beggary; normative regulation of beggary; legislative measures of struggle against beggary; punishment for beggary.

УДК 304.2

Статья раскрывает необходимость трансформации существующих социальных институтов современного общества, предлагая дополнить их новыми равнозначными институтами, которые дадут возможность систематизировать социальные отношения на основе культурных и национальных особенностей.

Ключевые слова и фразы: социальные институты; национальность; культура; социальная трансформация.

Игорь Евгеньевич Честнодумов, к. культурологии

Кафедра социологии и социальных технологий

Тверской государственный технический университет

67892@rambler.ru

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ
КАК МЕХАНИЗМ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ[®]**

Формирование оптимальной структуры общества является актуальной проблемой на всем протяжении его социального развития. Ряд ученых декларируют общество как сообщество людей [3, с. 187], совокупность организаций [9, с. 141], взаимодействие индивидов [7, с. 64], совокупность базовых потребностей [5, с. 81], структуру социальных институтов [6, с. 659]. Профессор М. Б. Глотов в своей работе дает подробную классификацию современных институтов и их характеристики, подчеркивая также, что помимо основных и латентных функций, каждый из них имеет свое конкретное предназначение [2, с. 13]. Но чаще всего об этом забывают за повседневной административной суетой, а забывчивость эта впоследствии компенсируется крупномасштабными федеральными мероприятиями. Примером этому может служить проведение года семьи, молодежи, учителя, национальности, культуры, русского языка, когда на определенный период «объект года» становится актуальным, а по прошествии срока происходит редукция проблемы с институционального на административный уровень. Прошедший год семьи не прошел даром, он выявил, что все-таки семья была и останется одним из ведущих компонентов в структуре общества, хотя, по мнению некоторых специалистов в сфере семейных отношений, она разрушается и теряет ключевую позицию в общественном развитии.

Одной из причин, послужившей толчком к разрушению российской семьи может являться следующий фактор: до 1917 год в России отсутствовала возможность расторжения брака, после Октябрьской революции 1917 года была введена процедура гражданского бракосочетания, упростившая как заключение, так и его расторжение, и эта легкость сыграла определенную негативную роль. Государство же, в первую очередь, активно формировало из семьи социальную ячейку, построенную на принципах существующей, на тот момент идеологии. События, произошедшие в России в августе 1991 года, изменили социально-политические, культурные и экономические обстоятельства, и они выводят на передний план семью. Первоначально в этот период семьи выделяются по экономическому положению, который предоставил им различные возможности, ведущей из которых считалась возможность отправить детей на обучения за рубеж, далее вступил социальный аспект - непосредственное включение семей в общественно - политическую жизнь. Новые российские обстоятельства привнесли дополнительный фактор ухудшения состояния института семьи – юридическая легализация брачного договора: с одной стороны он предусматривает экономическую и социальную безопасность супругов, а с другой – превращает создание семьи в заключение выгодного экономического соглашения, где юридические договоренности подменяют собой чувственные взаимоотношения супругов. Есть и многие другие проблемы, возникшие в результате трансформации института семьи, ставшие проблемами для всего общественного развития современной России.